

Немногочисленные посетители самого маленького и захламленного из керченских антикварных магазинчиков, увидев за прилавком его владельца – хмурого сорокалетнего мужчину в квадратных «профессорских» очках, с жидкими русыми волосами и глубокими залысинами, кажущегося немного женственным из-за жеманно поджатых губ, – принимали его за скучного человека, живущего заурядной, монотонной жизнью. А между тем этой ночью Олег собирался разграбить древний склеп.

Ожидая, когда наконец придет его партнер по бизнесу и будущий сообщник, он с недоумением вспоминал предсмертные слова отца, указавшего путь к кургану: «Если понадобятся деньги и ты надумаешь лезть за золотом, возьми приятеля – кого не жалко. Один смотри не суйся».

Старик, чья кожа стала желтее песка Городского пляжа, а синие вены на руках поднялись волнами, заговаривал о склепе не единожды, но, так и не высказавшись, замолкал. Вот и в последний раз он прервался со словами: «Ну а что дальше – сам поймешь, если не дурак». А на следующий день умер.

Олег откинулся на спинку стула и принялся в тысячный раз рассматривать морские пейзажи, висящие под потолком. Потом взгляд его перескочил на выполненный в масле Царский курган с уникальным уступчатым сводом из камней ракушечника – местную достопримечательность. Он попытался пред-

ставить, что за усыпальницу они сегодня найдут. Много ли золота вынесут?

Олегу становилось обидно от мысли, что его старик знал: однажды семейное дело поистрепят штормы, и сыну придется отыскать среди упрятанных на чердак вещей блокнот с «картой сокровищ», вычерченной синей ручкой. Вряд ли отец предвидел пандемию коронавируса и наступивший из-за нее мертвый штиль: мало посетителей, еще меньше покупок. Однако на протяжении одиннадцати лет, что он хозяйничал в лавке, кризисы, должно быть, приходили с регулярностью приливов, и старик понимал: с его смертью мир не изменится.

В бытность Олега владельцем магазина на семейное дело дважды обрушивался «девятый вал»: помимо нынешнего, был еще один кризис, в 2014-м. Тогда он не захотел воспользоваться отцовским блокнотом. Вместо этого взял в дело партнера – Петю, бывшего одноклассника. В школе они почти не общались, но когда большая часть прежних товарищей разъехалась – кто в Симферополь, кто в Киев, кто в Москву, – сблизились.

Петя был низкий, светловолосый, скромный, с вечными красными пятнами под глазами и сутулой спиной. По призванию – археолог, по способу зарабатывать деньги – моряк. Плавал ради красавицы-жены – бойкой синеглазой женщины, тоже из их двадцать третьей школы, – пока она не устрои-

лась администратором в спа-салон на хорошую зарплату. Тогда Петя вернулся к поискам себя: писал краеведческие очерки для местных газет, в летний сезон подрабатывал экскурсоводом. Олег взял его «тепленьким»: пока оставался еще запал и большие деньги, полученные за рейсы. Соблазнил вложиться в магазин, стать младшим партнером. Взамен Петя получал часть прибыли и право пополнять ассортимент лавки на свое усмотрение. Олег видел в партнере не реализовавшего себя археолога. А должен был – виновника будущих проблем.

Петя жадно скупал предметы старины. Он платил даже охотнее, если лот оказывался дорогим и неходовым. Подобно слоям ила, в лавке оседали надтреснутые молочники, граненные флакончики из-под духов, помутневшие иконы, дилетантские скульптуры. Олегу приходилось «плясать» перед клиентами, чтобы хоть как-то проворачивать массу скопившихся в магазине вещей. Во время пандемии, когда столь многие были готовы продавать реликвии и лишь некоторые – покупать, задача его стала невыполнимой.

Олег мечтал однажды вернуть партнеру деньги и вновь превратиться в единоличного хозяина лавки. Теперь он понимал: проблема заключалась даже не в Пете. Просто антикварный магазин в не самом популярном приморском городе Крыма не может прокормить двух взрослых мужчин. Вопрос лишь в том, когда их качающаяся лодка зачерпнет воду.

Рабочее время уже подошло к концу. Олег запер входную дверь и вернулся к столу. Потом выудил из портмоне металлический ключик, наклонился, открыл стоявшую в ногах тумбочку и отворил спрятавшийся в одном из отделений мини-сейф. Достал четыре предмета. Советского литого мальчика-рыбака на постаменте с круглой вмятиной. Золотой слиток странной формы, похожий то ли на скребок, то ли на осколок челюстной кости. Античную монету с изображением львиной головы и шестиконечного цветка. Зажигалку убитого под Керчью фашиста. Единственные по-настоящему дорогие для него вещи во всей лавке.

Олег не считал себя ценителем истории. Он смыслил в антиквариате, но не пытался, как Петя, спасти от исчезновения в море времени всякий попавшийся на глаза предмет. Выплыть из пучины были достойны лишь немногие, особые вещи, установившие лично с ним ментальную связь. Эти сокровища он не продал бы ни за какие деньги.

Вот, скажем, золотая «челюсть», принесенная отцом из склепа, подарок на девятнадцатый день рождения. Олег не знал ее возраста, истории, но, держа вещь в руках, ощущал завораживающую, мрачную энергию. Слышал шепот неразгаданной тайны.

На «челюсти» лежал темный отпечаток смерти. Исходивший от нее фон заглушал слабую ауру сотен других вещей, разложенных совсем рядом – под стеклянными витринами и в строгих шкафах. Всех этих фарфоровых статуэток, бюстов вождей, самоваров, икон и хрустальных рюмок. Но Олегу нужна была лавка со всей ее мишурой, чтобы, затаившись, ждать новой встречи с подлинной историей.

Местные краеведы-любители, по его мнению, не понимали главного. Вся Керчь – это большой могильник. Пролитая за город кровь – Черное море. Песок его – молотые кости...

Размышления прервал стук в дверь. Отперев, он увидел на крыльце Петю, притащившего крупный предмет, обернутый байковыми одеялами и листами газеты «Боспор». Олег оторвал полосу бумаги и увидел, что это напольные часы с маятником. Передняя деревянная рама была со сколом, по стеклу тоже шла трещина. Очередная вещь, способная пылиться в лавке годами.

– Ты хоть торговался? – Олег со вздохом посторонился. – Молви «да», мой турецкий лавочник. Скажи «да», египтянский делец.

– Со старушками не торгуюсь, – весело пропыхтел Петя, волочивший часы. – Представь, через год-другой наследники раскололи бы их на дрова.

– И дрова купили бы охотнее...

«Зря дал ему ключи от машины», – пожалел Олег. Петины поездки всегда заканчивались громоздкими, дорогими покупками. Но Олегу было совестно ему отказывать. Раз уж последние шесть лет лавка не приносила хорошего дохода, партнер имел право хотя бы получать удовольствие.

Олег помог Пете разместить часы на свободном пятачке между двумя шкафами и сказал:

– Ладно, поехали ко мне. Не перетрусил еще? Не слишком крутое преображение: из бывшего студента-археолога в черного копателя?

– Нет. С тех пор как ты рассказал о склепе, я мечтаю туда попасть. Даже последствий не боюсь. Чем бы это ни кончилось.

Они встретились глазами. Во взглядах плескалась холодная решимость, подобная декабрьскому морю. Решимость преступить закон. Тем, кто будет замечен за разграблением древнего кургана, светит тюремный срок. И мало не попасться с грязной лопатой, нужно еще продать добытое. Пускай Олег знал, как это повернуть, еще с того раза, когда помогал отцу избавиться от вынесенных из склепа золотых слитков. Он так же знал, что просто не будет.

Они с Петей обменялись кивками и вышли на оживленную городскую улицу. Олег запер дверь, включил сигнализацию. Лавка располагалась на первом эта-

же жилого дома, выкрашенного на бледно-розовый цвет, с греческим орнаментом на торце. Место солидное: через дорогу наискосок находилось здание Керченского историко-археологического музея. На прибыли это, правда, не сказывалось.

Они прошли через примыкающий к дому сквер к машине – белому уазу, чуть пожелтевшему от крымской пыли. Петя отдал ключи, Олег сел за руль, и они поехали из центра города в частный сектор.

Теплый сентябрьский ветер нес по асфальту песок. Олег почти не следил за дорогой. Петя нетерпеливо ерзал в кресле: то наклонялся к торпеде, то откидывался на спинку, – и сыпал вопросами.

– А склеп какого периода? Греческий или скифский? Фрески есть? Я тетрадь для зарисовок взял. Думаешь, много ценного внутри осталось? А копать глубоко?

Олег монотонно твердил, что знает совсем мало и все со слов резковатого, властного отца – человека, не склонного к откровенности. Достоверно одно: в 1999 году тот заполучил мешок древнего золота, разбогател и открыл лавку. Часть денег перешла бы к Олегу по наследству, если бы старик дарил любовницам бижутерию вместо винтажных украшений и кофеварки вместо машин.

Олег свернул с городского шоссе и подъехал к одноэтажному бледно-голубому дому под шиферной крышей, где жил в одиночестве.

– Кстати, ты не нашебетал жене, куда мы идем?

– Нет, – ответил Петя. – Специально не заезжал домой. Сказал: везу часы аж из Алупки, задержусь на человек.

Разместившись в кабинете, они перепроверили вещи, изучили записи в блокноте и дождались, пока воздух за окном станет темнее толщи Черного моря. Тогда они забросили рюкзаки в уазик, доехали до конца улицы и от крайнего дома шли пешком, надеясь, что силуэты их издали кажутся двумя песчинками, которые ветер несет по степи.

Справа вилась цепь невысоких, плоских холмов, сотворенных руками человека. Курганы в Керчи – не редкость. Одни исследованы, другие разграблены, до третьих еще не дошел черед. Олег сразу приметил нужный холм: маленький, низкий, отстоящий от гряды. На склоне росла одинокая ленкоранская акация, правда, уже сбросившая розовые венчики.

Он сверился с блокнотом и указал пальцем:

– От того дерева делаем два больших шага в сторону вершины, ну или твоих четыре, – усмехнулся, – и там копаем.

Пятью минутами позже они сбросили со спины рюкзаки и приступили. Штыки лопат с хрустом погружались в сухую землю, кромсали корни трав. Олег

встал спиной к пустой степи, лицом к далекому дому. Окна с такого расстояния было не различить, но свет в них, кажется, не горел. Зарево фонарей ночного города разливалось вдоль линии горизонта.

Олег, в жизни не копавший ничего глубже могилы для кошки, взялся за дело с излишним для его лет усердием. Вспотевшие ладони быстро начало саднить, расшалилось сердце.

Они с Петей трудились без малого четыре часа пока не наткнулись на деревянную крышку. Олег узнал ее: точно такая в 99-м исчезла с колодца на участке. А накануне отец приводил домой приятеля – рослого молодого парня с щербинкой между зубами. Олег запомнил гостя потому, что на левой руке его не хватало мизинца.

Петя окопал края крышки и резким швырком выбросил ее из ямы. Открылся темный колодец, каменная кладка, пустота. Олег склонился над входом в курган. В нос бросился неприятный душок: запах мидий, оставленных в целлофановом пакете на жару. Склеп представился ему доисторическим моллюском, «задохнувшимся» под земной твердью. В груди вспенилось щемящее предвкушение встречи с настоящей Керчью.

– Полежай наверх за веревкой, – поторопил он Петю. – Ночь не бесконечная.

Тот выбрался из ямы, мастерски обвязал ствол дерева морским узлом, засомневался:

– Длины-то хватит? Сколько в ней? Метров десять?

– Должно хватить. Если ты макраме не наплел. – Олег встал на корточки и осветил фонариком земляной пол, находившийся примерно четырьмя метрами ниже. – Я первый полезу.

Он подвесил включенный фонарик к поясу за карабин, натянул веревку и стал спускаться мелкими пружинистыми прыжками. Удары ступней о камень множило эхо. В висках волнами бился иррациональный страх темноты. Наконец Олег ступил на пол и сразу же обернулся, рванул вверх фонарик: свет выхватил уходящий вперед и вниз коридор, называемый дромосом. Путь к погребальной камере.

Раздался отдаленный звук: будто жидкость перетекала из одного сосуда в другой. А может, то прожурчала кислая слюна у него во рту: в тишине кургана внутренние звуки организма казались внешними, враждебными. Он задрал голову, крикнул партнеру: – Порядок, спускайся!

Петя быстро проскользнул по веревке и приземлился рядом с Олегом. Они тут же сбросили рюкзаки. В свете фонариков очертания дромоса сделались отчетливее. Коридор был достаточно широк, чтобы двое взрослых мужчин могли стоять плечом к плечу. Хорошо утрамбованный земляной пол шел под

уклон. Стены из ракушечника покрывали хаотично разбросанные рисунки.

– Ты глянь! – Петя поспешил к фреске, изображавшей огромный глаз с черным зрачком. Исполинское веко облепляли белые наросты с дырочками в центре, похожие на лопнувшие ракушки. – Видишь это, видишь? В керченских склепах живопись миниатюрная. Орнаменты, птички, листочки, фигуры людей величиной с ладонь. А это... – Он схватил Олега за плечо. – Давай приведем сюда археологов?

– Ага, а еще Аксенова и Первый канал, – хохотнул тот. – Они скажут, что находки ничего не стоят, и от этого «ничего» вручат нам половину.

Олег для вида посмеивался, но в груди грозой клокотало раздражение. «Черт меня дернул послушаться отца! Лучше одному идти, чем с такими энтузиастами». Петя знал теперь расположение склепа и мог навести на него каких-нибудь старых товарищей по раскопкам.

– Великолепно! – Партнер любовался изображением чудовищного зуба, достойного пасти доисторической акулы. – Надо будет зарисовать... И странно все-таки: обычно загробную жизнь изображают, а тут части тела...

– Просто художником был скифский Пикассо. – Олег стал подталкивать Петю под спину. – Идем, мы не в галерее.

Они бок о бок направились к погребальной камере. Олег краем глаза поглядывал на проступающие из темноты фрески: язык длиной с пляжный шезлонг, нос, растянувшийся от пола до потолка, ухо, похожее на спящего в позе эмбриона человека. Петя продолжал восклицать:

– Прекрасное состояние! Яркие цвета! Наши имена войдут в историю Керчи!

Олег слушал его мрачно, с возрастающей неприязнью. «Загубил лавку, а теперь хочет и спасательный круг отобрать. Лишь бы самолюбие потешить».

Впереди показалась круглая дыра вчетверо шире дворового колодца. Олег засмотрелся на нее, не глядя ступил на какую-то скользкую наклонную поверхность и перенес вес на ногу прежде, чем осознал ошибку. Он поехал вниз, клацнул ногтями по соседней стене, тоже будто бы гладкой, отшлифованной, схватился за Петю, едва балансирующего на ногах, оба упали, прокатились до края ямы и рухнули в пустоту.

Падение было недолгим, удар немного смягчил песок, но копчик все равно прострелила острая боль. Олег подобрал фонарик, огляделся по сторонам и наконец высветил главный предмет в погребальной камере: скелет руки из чистого золота. Древний мастер воссоздал остов конечности с анатомической точностью, в правильном масштабе.

Указующий перст ее был устремлен к потолку. Одного пальца-черенка не хватало.

– Спасибо... спасибо... – забубнил Петя, глядевший на артефакт сверкающими золотом глазами. – Спасибо, что взял меня с собой. Я и не надеялся... – Он подполз к руке на коленях.

Слова партнера размывали радость Олега от находки, как вода песочный замок. Он опустил взгляд и увидел возле своей ступни изогнутую золотую трубочку. Чуть поодаль лежал еще один слиток неправильной формы.

– Нам повезло, отец не все унес.

– Глянь наверх, – как-то жалобно пролепетал Петя.

Олег поднял голову. Проскочила первая абсурдная мысль: они внутри стакана-непроливайки. Песочный пол был в полтора раза больше отверстия в потолке. Ободок, с которого они соскользнули, напоминал кухонную воронку. Как вскарабкаться? Как выбраться? Стены отвесные, край воронки высоко, самому не залезть. По телу пробежала волна горячего, лихорадочного страха. Склеп – это ловушка. Ловушка для человеческих существ.

Олег первым делом схватился за телефон, но нет, связи не было.

– У тебя тоже ни одной «палки»?

Петя подтвердил.

Олег поднялся на ноги и побрел к стене. Фонарик осветил красные фрески, своей простотой напоминающие наскальные рисунки. Человечки танцуют с поднятыми вверх руками. «Нет, не танцуют, – понял он. – Карабкаются по стене. Срываются. Падают». Ему стало душно, сердце подскочило к горлу.

– Мыши в ведре...

Нельзя паниковать, надо думать.

Олег сосредоточился и будто заново услышал предсмертные слова отца, приобретшие теперь иной смысл: «возьми приятеля», тогда встанешь ему на спину и спасешься. Человека, оказавшегося здесь в одиночестве, ждала бы страшная, утомительная смерть, но их двое и есть еще шанс...

– Дурак отец, – пробормотал он. – Сказал бы лучше веревкой обвязаться.

По пути обратно, в центр камеры, к золотой руке, Олег подобрал драгоценный слиток, а после – трубочку, сунул в рюкзак.

– Только не трогай ничего! – подал голос партнер.

– Почему еще? – Олег ослабил. – Пустили ребенка плавать и говорят, чтоб не нырял.

– Это открытие важнее лавки, важнее нашего будущего.

– Скажешь тоже. – Он вытянул вперед руку с рюкзаком и нарочито медленно застегнул отделение. – До нас мешками несли, и мы унесем.

– Все думали как ты, вот и имеем на один целый курган пять разграбленных!

Олег опротивел Петин праведный гнев, зачесались кулаки.

– Я привел тебя, я решаю!

Он вспомнил, каким образом собирается выбраться из погребальной камеры, и заставил себя успокоиться. Нельзя же ссориться с человеком, чьей помощью собираешься воспользоваться.

– Ладно, не время кизил тереть. Сначала выберемся, потом поиграем в краеведов.

Олег примерился к отверстию в потолке, присел на корточки и сказал:

– Залезай, подкину тебя бомбочкой.

Он предпочел бы первым выбраться из западни, но перед этим надо было захватить золотую руку. Так, чтобы Петя не видел и не мог помешать.

Партнер вцепился ему в лысину и протопал тяжельми бутсами по спине и плечам. Олег попытался встать, покачнулся, но Петя ухватился за край ямы. Они не упали. Олег распрямился и проворчал:

– Ну, лети, моя бабочка, лети.

Партнер пополз по-пластунски, работая локтями. То и дело соскальзывал вниз, замирал. Потом начинал трепыхаться, лез дальше. Олег, пока мог, толкал его под пятки. Чуть не сломал пальцы. Спустя минуту отчаянных и нелепых усилий Петя перевалился через край и исчез из виду.

– Феерично, – одобрил Олег. – Полежи чуток, соберись с силами.

Он тем временем метнулся к золотой руке и выдернул ее из песка. Раздался поразительно громкий хруст, в полу появилась круглая дыра диаметром с запястье. Олег протянул было пальцы – проверить, нет ли там тайника, но одумался, ощутив усилившуюся вонь. Есть ли под полом пустоты – вопрос для чудиков вроде Пети. Ему же довольно добытого золота. Он поднялся на ноги и с полминуты наблюдал, как в дыру медленно течет песок.

Петя наверху молчал, и Олег даже успел испугаться («не передумал ли он меня вытаскивать?»), но тут прозвучал знакомый голос:

– Я готов.

Петя свесился через край ямы. Олег выпрямился, встал на носки, протянул обе руки. Прибавить бы к росту сантиметров двадцать, и их ладони могли бы сомкнуться, а так... Партнер сделал рывок вперед, пальцы соприкоснулись, но он тут же сорвался, полетел головой вниз. Попытался ухватиться за край, но только перекувырнулся в воздухе и шлепнулся на спину.

– Упал ты красиво, если хочешь знать, – заметил Олег, не желавший показать, что от страха его

прошиб холодный пот. Кольцо стен будто бы сжалось ту же.

– А где... артефакт? – Петя, поднявший голову, помутившимся взглядом озирался по сторонам.

– Скажи спасибо, что я его убрал, а то стал бы ты шашлычком на шпалке. Ну, вставай. Моя очередь лезть.

Петя послушался. Лицо его позеленело, глаза смотрели ошалело. Если он и возражал против расхищения склепа, то после жесткого приземления дать достойный отпор не мог. Потому Олег спешил.

– Вот так, плечи в кучку, напряги-напряги, – командовал он. – Мне б только зацепиться, а там поползу аки змеюка.

Лет пятнадцать уже его тело не знало такой нагрузки. Легкие будто схлопывались при каждом выдохе, кости ломило, горло пересохло. И вдобавок тяжеленный рюкзак с золотом тянул назад. Он выкарабкался на силе воли и пять минут приходил в себя, наблюдая краем глаза, как подрагивает на потолке отсвет Петиного фонаря. «Глядит наверх, ждет, когда позову».

– Эй! – донесся до него голос партнера. – Ты передохнул?

– Погоди, дружок. Не будем наступать на садовый инвентарь. Я скоро вернусь с веревкой.

– Позвони спасателям! Кажется, я повредил руку.

Олег не ответил, в уме шел холодный расчет. Расклад был такой: единственная их веревка привязана к дереву. Слишком короткая, чтобы дотянуть ее до погребальной камеры. Придется подняться на поверхность, вызвать помощь, отвязать веревку, спрыгнуть в дромос, надеясь не сломать ничего о земляной пол, вытащить Петю и ждать. Но тогда авантюру не удастся сохранить в тайне.

Олег решил поступить иначе. Он выбрался из кургана, свесившись в яму, прокричал: «Я до машины и обратно», – и отпрянул прежде, чем мог бы услышать ответ. Ни к чему слушать человека, брошенного в темноте.

Рассвет еще не наступил. Пожухлая трава, смоченная росой, тихо шелестела под быстрыми шагами Олега. Он думал о своем поступке со смесью вины и самодовольства. «Петя крепкий. Ну, потомится в яме, бабайку любимого вспомнит, как максимум – проплачется. Зато археологов своих не вызовет, ведь золото я унес». В голове зудела какая-то неуловимая, невысказанная мысль. Мысль о природе пустоты под полом склепа. Ему все еще слышался шорох льющегося песка.

При всей спешке Олег вернулся лишь спустя полчаса. Он захватил из багажника другую веревку и, уверенный, что пятидесяти метров будет более чем достаточно, обвязал ее вокруг ствола акации.

Первым, что поразило его по возвращении в курган, была вонь, прежде причинявшая лишь легкое беспокойство, а теперь разящая тухлым, рыбным смрадом.

– Петь? Я вернулся, да не с пустыми руками, – крикнул Олег. – Ты живой там?

Прислушался: ответа нет. Вдалеке, шурша, движется песок. И еще разок будто бы прожурчала вода.

– Слышишь меня?

Тишина. Он поудобнее перехватил фонарик и зашагал вглубь кургана. Со стен за ним следили нечеловеческие глаза. Гигантские уши слушали, как бешено билось его сердце. От далекого шелеста текущего песка руки покрылись гусиной кожей.

К краю ямы Олег подходить не стал: боялся упасть и оказаться во власти своего испуганного и, должно быть, озлобленного товарища. Вместо этого замахнулся, раскрутил веревку и кинул конец в центр дыры. В груди все обмерло от проскочившей искрой мысли: «Почему отсвета фонаря не видно?»

– Не тяни резину, тяни веревку!

Олег прождал с полминуты, то и дело вытирая испарину с висков. Потом поводил веревкой из стороны в сторону. Подергал. Нет, никто не держится.

– Ну, не хочешь... – крикнул он, но голос сорвался: страшно стало кричать, не зная, кто слушает. Кричать, когда вокруг нарисованные на стене исполинские уши, похожие на спящих людей. – Как хочешь...

Посуровевший, собранный, он стал наматывать веревку на локоть, пока на краю ямы не появился ее конец, странно блестящий в свете фонарика. Веревка была испачкана в жидком золоте. На вязкий, сияющий сироп налипли песчинки. Олег коснулся его кончиком указательного пальца: не горячо, склизко, тянется как слюна. Подумал: «А что с Петей? В обмороке? Утонул?» И еще подумал тише, втайне от самого себя: «Удачно, что жена не знает, где он».

Поразмыслив немного, Олег решил-таки спуститься по скату к краю ямы, заглянуть внутрь, хотя тело – сердцем, трепыхавшимся, как буюк в шторм, крикливыми мыслями-чайками, – советовало бежать. Он обвязал себя вокруг пояса и пополз на четвереньках, понемногу травя веревку.

Дно ямы открылось ему, и от увиденного Олег едва не выпустил страховку из рук. Пола в склепе больше не было, вместо него появился отверстый рот. Красный, мясистый, с серо-коричневыми, ребристыми, как ракушки, зубами. Рот спящего на спине существа. Петя, на вид целый, но бесчувственный, бескровный, безмолвный, лежал на ложе языка. Его раскинутые в стороны руки завязли в золотой слюне.

Олег задышался, кричал беззвучно, чтобы не потревожить сон чудовища. Картинка перед глазами плыла. Он увидел еще обломки, погруженные в слюну, по форме напоминающие человеческие кости. «Оно смакует, обсасывает людей...» Олег закрыл глаза, и на темном фоне век его воображение нарисовало золотую руку. Левую руку без мизинца. Смысл отцовских слов снова изменился.

Олег понял, почему старик говорил загадками: боялся, что правда покажется сыну бредом умирающего. Даже теперь глаза его видели, но не верили.

Внезапно гигантский рот захлопнулся. Раздалось журчание слюны, со щек чудовища потекли остатки песка, все больше обнажалась серая, в белых стружьях, кожа.

Челюсти снова разомкнулись. Тело Пети, еще невредимое, сдвинулось. Одежда и волосы его блестя. Веки едва заметно дрожали, как от дурного сна. Из глотки существа донесся протяжный, переливчатый звук. Где-то в недрах земли урчал его живот.

«Оно спит... – Олег, весь трясущийся, отпрянул от края. – И во сне сосет карамельку... Сосет, пока плоть не отстанет от кости...» Усилием воли усмирил панику: «Керчь – большой могильник, ты всегда знал это».

Он обдумал план действий. Можно было бы спуститься по веревке к распахнутой пасти, выгадать момент, когда, ненадолго закрывшись, та опять развернется, достать Петю. Он снова подобрался к краю ямы, глянул вниз. Партнер лежал жалкий и безучастный, похожий на вещь. Вещь, которая ему, Олегу, последние годы обходилась слишком дорого. Таким молчаливым, не рассуждающим об историческом наследии и призвании антиквара, Петя нравился ему больше. В том, как партнер покоился на языке, подобно жемчужине в створках раковины, была своя, мрачная красота, достойная места в его коллекции.

Олега охватило чувство духовного единства с отцом, перед которым, должно быть, тоже в свое время встал выбор. Побоялся ли он рискнуть жизнью ради товарища? Дорожил ли им? Испугался ли отнять у спящего великана новую соску? Олег понял, что склеп не в меньшей степени, чем лавка, был их общим «семейным делом». Он бросил прощальный, полубезразличный взгляд на партнера, отполз от края ямы, не спеша отвязал от пояса веревку и направился к выходу, сделав мысленную зарубку все-таки пустить напольные часы на дрова.

Может, он еще вернется сюда. Если снова возникнут проблемы с деньгами.